

От «замка в пустыне» до средневекового города: Каср аль-Хайр аль-Шарки (Сирия)

Базеркан Гаид

аспирант направления «Исторические науки и археология»,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9985-1232. E-mail: ghaidbazerkan@gmail.com

Аннотация. Представлено исследование Каср аль-Хайр аль-Шарки, архитектурного памятника, построенного в период эпохи Омейядов по результатам двух значимых археологических миссий: исследовательская кампания 1956 г., организованная Джорджем Форсайтом, и совместный проект сирийской группы и сирийско-швейцарской миссии, работающей под эгидой Главного управления древностей и музеев Сирии и Швейцарско-Лихтенштейнского фонда археологических исследований за рубежом (SLFA – Zürich). Деятельность ученых в археологическом проекте позволила расширить знания о поселении Омейядов в Каср аль-Хайр аль-Шарки, а также обозначила историческую важность средневекового повторного заселения этого места в период между XII и XIV вв.

Каср аль-Хайр аль-Шарки – один из так называемых «замков в пустыне» Омейядов, термин, применяемый к ряду укрепленных мест, относящихся к раннему периоду ислама. Он, безусловно, представляет собой один из самых впечатляющих и лучше всего сохранившихся светских памятников раннего исламского периода. Замок расположен примерно в 110 км к северо-востоку от Пальмиры в сирийских степных землях недалеко от перекрестка древних путей, связывающих караванный город Пальмиру с Русафой и Раккой в верховьях сирийского Евфрата, с одной стороны, и с Дейр-эз-Зауром, Джазирой и нижней Месопотамией, – с другой. После некоторых наземных исследований это место было обнаружено во время исследовательской кампании 1956 г. на Ближнем Востоке, организованной Джорджем Форсайтом. С тех пор сирийская группа проводила там раскопки и восстановительные работы. Совсем недавно эта работа превратилась в совместный проект сирийской группы и сирийско-швейцарской миссии, работающей под эгидой Главного управления древностей и музеев Сирии и Швейцарско-Лихтенштейнского фонда археологических исследований за рубежом (SLFA – Zürich).

Ключевые слова: ранний ислам, средневековье, Ближний Восток, пустынные замки, поселение Омейядов.

Поселение Омейядов (VIII в. н. э.). Во всех предыдущих исследованиях этого места были признаны три основных компонента поселения Омейядов в Каср аль-Хайр аль-Шарки. Следуя работе Грабаря они, соответственно, называются малым корпусом, большим корпусом и внешним корпусом. Все сооружения очень разные как по форме, так и по функциональному назначению. Построенные из камня и обожженного кирпича или частично из сырцового кирпича на каменном основании, все три компонента легко узнаваемы даже без раскопок. Однако это не единственные постройки, связанные с поселением Омейядов [7, с. 97].

Действительно, на нескольких участках площадью более 7 км² находятся постройки из сырцового кирпича, некоторые из которых, вероятно, имели большое значение, но теперь в результате эрозии превратились в простые насыпи с очертаниями [2, с. 140].

Малая ограда представляет собой квадратное здание со стороной 70 м в длину. Оно было двухэтажным и до сих пор сохранилось местами высотой до 11 м. Его внешняя стена укреплена по углам четырьмя башнями-контрфорсами в форме круга в три четверти и восьмью башнями-контрфорсами в форме полукруга по бокам [10, с. 302]. Внутри здания расположены помещения на двух этажах вокруг центрального двора с портиком. Планы двух этажей почти идентичны и представляют собой традиционную планировку замков Омейядов в их группировке комнат как квартир; другими словами, большая центральная комната выходит на четыре или пять меньших. Назначение здания спорное. Ученый археолог О. Грабарь

рассматривал его как караван-сарай [8, с. 178], но недавно эта интерпретация была оспорена, поскольку гораздо более вероятно, что это был дворец [1, с. 235].

Большой корпус представляет собой квадратную конструкцию со сторонами длиной 167 метров. Он имеет несколько общих элементов с меньшим корпусом. Самым очевидным из них является его ограждающая стена, которая также укреплена четырьмя угловыми башнями-контрфорсами в форме круга в три четверти и двадцатью четырьмя полукруглыми башнями-контрфорсами по бокам. В центре каждой стороны здания расположены ворота (всего их четыре), окруженные двумя контрфорсами башни. Центр сооружения занимает огромный двор, окруженный портиком. Вокруг этого двора организованы 12 единиц одинакового размера, но разных планов и функций: мечеть; производственная часть; шесть жилых единиц; административная единица и три части, предположительно, без построек, представляющие собой открытые дворы. Надпись, найденная на камне в пристани мечети Большой ограды и ныне утерянная, приписывает строительство медины (буквально «город») халифу Хишаму б. 'Абд аль-Малик (724–43 гг. н. э.) в 728–729 гг. н. э. Считается, что эта надпись относится к основанию Большой ограды, а место ее находки имеет второстепенное значение. Это очень помогло в формировании трактовки этой структуры не как городского центра в традиционном понимании этого слова, а как «небольшого, частного и аристократического поселения с минимальным набором функций» [4, с. 81].

Баня находится сразу к северу от двух корпусов. Она включает в себя большую комнату с базиличным планом, которая не имеет реальной пользы для функционирования бани. Эта комната могла быть задумана как зал для приемов, чего нет ни в Малом, ни в Большом корпусах. Зал для приемов, соединенный с баней, также встречается в других замках или дворцовых комплексах Омейядов, таких как Кусайр Амра или Хирбат аль Мафджар. К северу, востоку и югу от двух ограждений также есть участки с постройками из сырцового кирпича, которые в результате эрозии превратились в небольшие холмы. Общая площадь этих домов составляет около 30 га. Они еще не раскопаны, но в ближайшее время там планируются археологические работы в рамках нового проекта. Одной из самых ярких особенностей участка является внешний корпус, который окружает территорию площадью более 7 км². Он представляет собой стену длиной 15 км, построенную из сырцового кирпича на каменном основании, которая украшена полукруглыми контрфорсами, равномерно расположенными с обеих сторон. На его северной и южной оконечностях есть две системы шлюзов, первая из которых позволяет собирать и хранить паводковые воды из Вади-ас-Сук, вторая система, наоборот, избавляется от этой воды после того, как она прошла через весь корпус. Пять ворот ведут во внешнее ограждение, назначение которого было истолковано как имеющее сельскохозяйственную функцию, вероятно, связанную с животноводством. Недавние находки, в частности, новые ирригационные устройства, а также параллели на других участках указывают на то, что это нечто более ориентированное на возделывание. Остатки второго такого же сооружения расположены к юго-западу от участка и все еще ожидают дальнейших исследований.

Наконец, недавние исследования выявили наличие двух других зданий, построенных из сырцового кирпича, расположенных в 3 км к югу от основных памятников, рядом с одними из ворот Внешнего ограждения. Оба, кажется, имеют схожие планы друг с другом, так как представляют собой квадратные здания длиной около 65 м с внешней стеной, украшенной полукруглыми башнями-контрфорсами по углам и по бокам. Внутри размещены небольшие комнаты, расположенные в один или два ряда вокруг центрального двора. До сих пор не может быть продемонстрировано деление на квартиры (байты), состоящие из более чем двух комнат. Зонды предполагают, что они были заселены лишь в течение очень короткого промежутка времени в VIII в. Хотя оба здания имеют намного более простые внутренние планы, чем другие замки Омейядов, они не единственные в своей категории, как показывают, например, две постройки в Хан-эз-Забие [6, с. 297]. Поэтому их следует рассматривать как второстепенные замки для обслуживания халифа или в качестве жилых помещений для подданных халифа. Почти полностью построенные из исчезающего сырцового кирпича и, следовательно, сильно обветшавшие, этим двум зданиям уделялось мало внимания. Однако они являются важными компонентами поселения Омейядов.

Интерпретация Каср аль-Хайр аль-Шарки все еще проблематична. О. Грабарь интерпретировал Большую ограду как упомянутую в надписи медину, а Малую ограду – как караван-сарай, что не совсем точно. Нортедж справедливо предположил, что Каср аль-Хайр аль-Шарки был новым городским поселением, сравнимым с другими, такими как Цитадель

Аммана, Анджар и Акаба. По его мнению, Малая и Большая ограды образуют единый комплекс, даже если они построены отдельно, а Малая ограда является дворцовой частью. Тем не менее возможно дальнейшее развитие этой интерпретации. Верно то, что Каср аль-Хайр аль-Шарки, в отличие от других новых городских поселений Омейядов, расположен в типичном месте «замка в пустыне» и состоит из большинства компонентов комплекса «замка в пустыне». Однако план Большой ограды, а также фундаментальная надпись с упоминанием медины явно указывают на какую-то городскую функцию. Как упоминалось выше, надпись была найдена в пирсе мечети, предположительно, на второстепенном месте [5, с. 130]. Хотя ясно, что надпись определенно произошла из Каср аль-Хайр аль-Шарки, нет никаких доказательств того, что она использовалась повторно, или что она была связана только с Большой оградой. На самом деле надпись, скорее всего, находилась на своем первоначальном месте в одном из немногих общественных мест всей мусульманской общины. Поэтому надпись вполне может быть отнесена к основанию всего памятника с его многочисленными составляющими, а не к основанию только одной его структуры. Слово «медина» имело бы гораздо больше смысла в случае Каср аль-Хайр аль-Шарки, если бы оно касалось всего поселения, включая большие площади, заполненные зданиями из сырцового кирпича, которые до сих пор остаются неисследованными. Несмотря на отсутствие некоторых элементов, которые позволили бы классифицировать это место как настоящий город, это более широкое толкование медины, основанной халифом Хишамом Абд аль-Малик, оно позволяет рассматривать Каср аль-Хайр аль-Шарки как протогородское место. Таким образом, весь участок можно интерпретировать как форму нового городского поселения. Падение династии Омейядов в 750 г. нашей эры оказало определенное влияние на заселение этого места. Действительно, это ознаменовало упадок некоторых периферийных зданий или территорий, таких как южные замки, где не было найдено ни одного осколка, датированного позже VIII в., и, вероятно, – большей части построек из сырцового кирпича. Однако высокий уровень заселения продолжался в Малой и Большой оградах, где смена рода занятий произошла только во второй половине IX в., а в X в. последовала заброшенность [14, с. 158].

Средневековый город (XII–XIV вв. н. э.). После двухвекового перерыва это место было вновь заселено в период Айюбидов (датируемый 1174–1260 гг. н. э. в Сирии) во второй половине XII в. Демонстрация важности этого средневекового поселения, безусловно, является одним из наиболее заметных результатов недавно предпринятой работы в рамках настоящего проекта. Благодаря археологическим раскопкам был обнаружен небольшой городок внутри руин Омейядов, отождествляемый с Урдом и время от времени упоминаемый в источниках, вплоть до начала XIV в. [13, с. 206]. Дома строились как в Большой, так и в Малой Омейядской оградке, где внешние стены и башни еще хорошо сохранились или были отремонтированы, третья – закрытая территория, где была построена большая мечеть. Это пространство, доступное через ворота в южной стене, было единственным способом попасть внутрь двух ограждений, поскольку другие ворота Большого ограждения уже были заблокированы в раннеисламский период. Общая застроенная площадь в средневековый период составляла 3,5 га.

Методы строительства и профессиональная история двух корпусов сильно отличаются друг от друга. В Большом корпусе есть один основной средневековый слой с хорошо построенными домами из повторно использованного материала построек Омейядов. Высота некоторых из этих домов до сих пор превышает 1,60 м. Те немногие случаи, когда были получены точные стратиграфические данные, позволяют датировать их концом XII и XIII вв. Наиболее четкие и полные планы, полученные американскими раскопками, показывают дома, разделенные узкими улочками и состоящие из двора и 4–7 комнат [12, с. 268].

Иная последовательность в Малой оградке, где прежние раскопки только выявили то, что тогда выглядело как «бидонвильподобные поселения», не демонстрирующие «внятной архитектурной или человеческой истории или развития». Новый анализ ситуации показывает, что правильнее говорить о народной архитектуре. В центре ограды очень четко выделяются три последовательных, четко очерченных уровня средневековых построек. Из-за ограниченных масштабов недавних раскопок составить полный план было невозможно. Однако признаков достаточно, чтобы рассматривать эти постройки как дома, состоящие из нескольких комнат. Одна из этих комнат могла быть небольшой молельней с михрабом в южной стене. Повторное заселение этой ограды, судя по предварительному анализу керамики, произошло несколько раньше, то есть примерно в середине XII в. Имеются также явные признаки того, что части первоначальной кладки комнат в Северо-восточном квадранте ограды были

реконструированы, вероятно, в тот же период, что указывает на повторное использование сохранившихся сводчатых пространств.

В первой половине XIII в. средневековое поселение имело достаточно большое значение, чтобы построить мечеть приличных размеров. Местом, выбранным для этой цели, было замкнутое пространство между двумя оградами Омейядов, напротив южного вала и юго-западного угла Малой ограды. Мечеть представляет собой квадратное сооружение (21×21 м), построенное в основном из сырцового кирпича на каменном основании. Она включает в себя крытый гипостильный молельный зал, открытый двор и минарет. Кроме того, мечеть выполняла погребальную функцию, а во дворе было кладбище [11, с. 240].

Молитвенный зал имеет внешние размеры 21×10 м и состоит из шести проходов и двух пролетов, ограниченных рядом из пяти повторно используемых колонн. В центре северной стены есть дверь. Внутренний план довольно нерегулярный. Самый западный проход очень узкий и был закрыт стеной, что привело к почти совмещению михраба, двери и первого из восточных проходов. Михраб (молитвенная ниша, указывающая направление на Мекку) представляет собой глубокую полукруглую нишу, окруженную двумя повторно используемыми колоннами. Задняя часть михраба образует квадратный выступ на внешней стене мечети. Он был добавлен в ранее существовавший южный вал. Рядом с ним на западе три каменных плиты образуют основание минбара (кафедра, с которой произносится пятничная проповедь), которая, вероятно, была построена из дерева или сырцового кирпича. Двор простирается к северу от молитвенного зала и имеет аналогичные размеры. Его пересекают две невысокие стены, которые являются позднейшими пристройками, образующими дорожку, ведущую к дверям молельного зала. Некрополь занимает восточную часть двора, а минарет расположен в северо-западном углу. Минарет представляет собой отдельно стоящую квадратную башню шириной 3 м, на которую упираются стены двора. Он до сих пор сохранился до 11,20 м в высоту и изначально был всего на несколько рядов выше. На вершину минарета можно попасть по внутренней винтовой лестнице, доступной через дверь, расположенной в верхней части западной стены двора [9, с. 157].

В юго-восточном углу двора был построен небольшой квадратный памятник – мавзолей – со сводчатой коллективной усыпальницей под землей и помещением на уровне земли, возможно, небольшой молельней. Обе части были доступны через независимые проемы или двери со двора. Экстрадос свода погребальной камеры был виден в горнице. Из-за более поздних нарушений (средневековых и современных) на дне погребальной камеры сохранились только три погребения. Но из-за наличия других костных останков можно было предположить, что изначально в камере было захоронено не менее шести человек. Каждого человека помещали в деревянный гроб и располагали на спине вытянутым или на правом боку в боковом положении, головой на запад и лицом на юг, со слегка согнутыми ногами.

Погребальные камеры делятся на две группы. Первая, к северу от мавзолея, состоит из трех гробниц с деревянными гробами в грубо облицованных ямах. Гробы были сделаны из древесины тополя (*populus sp.*), редкого для этой местности вида, вероятно, завезенного из долины Евфрата. Один из них был особенно тщательно украшен железной фурнитурой. Тела лежали на спине, головой на запад. Вторая группа гробниц – более поздняя и состоит из трех других гробниц, построенных на вершине и внутри мавзолея после того, как он был заброшен, а его надстройка разрушена. Все три гробницы представляют собой каменные ящики, построенные по-своему. В каждом ящике находилось индивидуальное захоронение в деревянном гробу [3, с. 77].

Относительная хронология мечети и мавзолея очень ясна. Действительно, нет никаких сомнений в том, что мечеть была построена без включения ранее существовавшего памятника. Также ясно, что мечеть и мавзолей не были построены одновременно, а надгробный памятник был построен на втором этапе в этом привилегированном месте. Это указывает на высокий статус похороненных там людей, о чем также свидетельствует относительное богатство архитектуры некоторых гробниц и использование привозного дерева.

Мечеть была построена в первой половине XIII в. Это основано на датировании многослойной керамики и может быть подтверждено рядом архитектурных параллелей. Наиболее близкой из этих параллелей является недавно раскопанная мечеть в Рахбе в долине Евфрата, датируемая самым началом XIII в. Датировка гробниц во дворе мечети в Каср аль-Хайр аль-Шарки указывает на вторую половину XIII и XIV вв. (ок. 1250–1400 гг. н. э.). Следует, одна-

ко, иметь в виду, что захоронения на нижнем уровне мавзолея были не самыми ранними, так как они были удалены в какой-то момент в прошлом. Об этом свидетельствует наличие костей из предыдущих захоронений под гробами. Разнообразие погребальных практик: коллективные или одиночные захоронения; в мавзолее, каменном ящике или яме; тело дорсально вытянуто или в латеральном положении; украшенные или не украшенные деревянные гробы, – перекликается с некрополем Фатимидов в Каире. Этот некрополь демонстрирует почти такое же разнообразие, несмотря на то, что он старше (конец X и XI вв.) и имеет гораздо более высокий статус. Это разнообразие – далеко от мусульманской традиции погребения в гробницах, лишенных каких-либо признаков показной роскоши, тело лишь заворачивают в саван. Дальнейшие археологические исследования исламских погребальных практик, безусловно, расширят наши знания о разнообразии практик, в зависимости от географических областей и периодов.

Образцы расселения в сирийской степи в средневековый период до сих пор плохо изучены. Однако, несмотря на то, что поселение в степи в средневековый период менее обширно, чем в период поздней античности, в период Айюбидов произошло слияние событий, которые позволили повторно колонизировать пустынную территорию и создать небольшой город в среде, в целом неблагоприятной для оседлого образа жизни. Возникновение этого города связано с экономическим и коммерческим ростом, свидетелем которого стала Сирия с приходом новой династии Айюбидов, что ознаменовало начало фазы расширения после периода, характеризующегося внутренними проблемами и крестовыми походами. Расположение Каср аль-Хайр аш-Шарки на основных дорогах, соединяющих города западной Сирии с Ираном и Сельджукской Анатolieй, безусловно, было важным фактором его относительного процветания. Однако географические и климатические ограничения все-таки были препятствием для более широкого развития города. Монгольские нашествия, за которыми последовал раздел Ближнего Востока между мамлюками в Сирии и Египте, с одной стороны, и иль-ханидами в Ираке и Иране, – с другой, принесли опустошение в этот район и временно подорвали торговлю по дорогам, с которыми Каср Аль-Хайр был связан. Это два важных элемента, которые, возможно, вызвали упадок Каср аль-Хайр аль-Шарки, что привело к окончательному запустению этого места в XIV в.

Заклучение. Недавнее возобновление раскопок в Каср аль-Хайр аль-Шарки привело к улучшению наших знаний об этом месте и в пользу дальнейшей работы. Благодаря многочисленным компонентам и хорошей сохранности, этот памятник остается одним из лучших археологических источников для изучения создания и первоначального развития ранних исламских поселений на Ближнем Востоке. Кроме того, обнаружение запечатанных и четко очерченных слоев, датируемых VIII в., в менее заметных зданиях вокруг двух основных оград позволит более подробно изучить древнюю среду и экономику этого места. Средневековое заселение этого места, до сих пор малоизвестное, выиграет от новых достижений в исламской археологии, поскольку дает уникальную возможность изучить этапы создания, развития и запустения небольшого городка в степи в период с XII по XIV вв. В средневековый период между оседлыми областями западной Сирии и долиной Евфрата действительно было только одно поселение, которое сохраняло некоторое значение, это был Тадмур/Пальмира – исламский город, который все еще ожидает археологических исследований. В этом контексте признание относительной важности Каср аль-Хайр аль-Шарки и возможность проводить там раскопки прольют новый свет на образцы средневековых поселений в сирийской степи.

Список литературы

1. *Almagro M.* Qusayr 'Amra. Residencia y bañosomeyas en el desierto de Jordania / L. Caballero, J. Zozaya & A. Almagro. Madrid, 1975.
2. *Bujard J., Genequand D.* Umm al-Wal'id et Kh'an az-Zab'ib, deux établissements omeyyades en limite du désert jordanien / in B. Geyer (ed.). Conquête de la steppe et appropriation des terres sur les marges arides du Croissant fertile. Lyon : TMO 36, 2001. Pp. 189–218.
3. *Finster B., Schmidt J.* The origin of 'desert castles': the fort of Qasr Bani Muqatil, near Karbala, Iraq. *Antiquity* 79. 2005. Pp. 339–349.
4. *Fowden G.* Qusayr 'Amra. Art and the Umayyad elite in Late Antique Syria. Berkeley, 2004.
5. *Gaube H.* Die syrischen Wüstenschlösser. Einige wirtschaftliche und politische Gesichtspunkte zu ihrer Entstehung // *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins* 95. 1979. Pp. 182–209.
6. *Gayraud R. P.* Le Qar'afa al-Kubr'a, dernière demeure des Fatimides / in M. Barrucand (ed.). *L'Egypte fatimide, son art et son histoire*. Paris : Presses Universitaires de France, 1999. Pp. 64–443.

7. *Genequand D.* Les établissements des élites omeyyades en Palmyrène et au Proche-Orient. Beyrouth, 2012.
8. *Genequand D.* Rapport préliminaire de la campagne de fouille 2002 à Qasr al-Hayr al-Sharqi (Syrie). Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für Archäologische Forschungen im Ausland (SLSA/FSLA/SLFA). Jahresbericht, 2002. Pp. 69–96.
9. *Genequand D.* Umayyad castles: the shift from Late Antique military architecture to early Islamic palatial building / In H. Kennedy, ed. // Muslim military architecture in greater Syria. Leiden, 2006. Pp. 3–25.
10. *Grabar O.* City in the desert: Qasr al-Hayr / R. Holod, J. Knudstad, W. Trousdale // East. Cambridge, MA, 1978.
11. *Herzfeld E.* Mshattâ, H. îra und Bâdiya. Die Mittelländer des Islam und ihre Baukunst // Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen. 1921. № 42. Pp. 46–104.
12. *Northedge A.* Archaeology and new urban settlement in early Islamic Syria and Iraq / In G. R. D. King and A. Cameron, eds. // The Byzantine and early Islamic Near East. II: land use and settlement patterns. Princeton, 1994. Pp. 65–231.
13. Rapport préliminaire de la campagne de fouille 2003 à Qasr al-Hayr al-Sharqi et al-Bakhra' (Syrie) // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für Archäologische Forschungen im Ausland (SLSA/FSLA/SLFA). Jahresbericht, 2003. Pp. 69–98.
14. *Sauvaget J.* Châteaux omeyyades de Syrie. Contribution à l'étude de la colonisation arabe aux Ier et IIe siècles de l'Hégire // Revue des Études Islamiques. 1967. № 35. Pp. 1–52.

From the "castle in the desert" to the medieval city: Qasr al-Khair al-Sharqi (Syria)

Bazerkan Gaid

postgraduate student in the field of Historical Sciences and Archaeology, National Research University
Higher School of Economics. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-9985-1232.
E-mail: ghaidbazerkan@gmail.com

Abstract. The article presents a study of Qasr al-Khair al-Sharqi, an architectural monument built during the Umayyad era based on the results of two significant archaeological missions: the 1956 research campaign organized by George Forsyth, and a joint project of the Syrian group and the Syrian-Swiss mission working under the auspices of the General Directorate of Antiquities and Museums of Syria and the Swiss-Liechtenstein Archaeological Foundation research abroad (SLFA – Zurich). The activity of scientists in the archaeological project allowed to expand knowledge about the Umayyad settlement in Qasr al-Khair al-Sharqi, and also highlighted the historical importance of the medieval re-settlement of this place between the XII and XIV centuries.

Qasr al-Khair al-Sharqi is one of the so-called "castles in the desert" of the Umayyads, a term applied to a number of fortified sites dating back to the early period of Islam. It certainly represents one of the most impressive and best preserved secular monuments of the early Islamic period. The castle is located about 110 km northeast of Palmyra in the Syrian steppe lands near the crossroads of the ancient routes linking the caravan city of Palmyra with Rusafa and Raqqa in the upper reaches of the Syrian Euphrates, on the one hand, and with Deir ez-Zour, Jazira and lower Mesopotamia, on the other. After some ground-based research, this place was discovered during the 1956 Middle East exploration campaign organized by George Forsyth. Since then, the Syrian group has been carrying out excavations and restoration work there. More recently, this work has turned into a joint project of the Syrian group and the Syrian-Swiss mission, working under the auspices of the General Directorate of Antiquities and Museums of Syria and the Swiss-Liechtenstein Foundation for Archaeological Research Abroad (SLFA – Zurich).

Keywords: early Islam, the Middle Ages, the Middle East, desert castles, Umayyad settlement.

References

1. *Almagro M.* Qusayr 'Amra. Residencia y baños omeyyas en el desierto de Jordania / L. Caballero, J. Zoza-ya & A. Almagro. Madrid, 1975.
2. *Bujard J., Genequand D.* Umm al-Wal'id et Kh'an az-Zab'ib, deux établissements omeyyades en limite du désert jordanien / In B. Geyer (ed.). Conquête de la steppe et appropriation des terres sur les marges arides du Croissant fertile. Lyon : TMO 36, 2001. Pp. 189–218.
3. *Finster B., Schmidt J.* The origin of 'desert castles': the fort of Qasr Bani Muqatil, near Karbala, Iraq. *Antiquity* 79. 2005. Pp. 339–349.
4. *Fowden G.* Qusayr 'Amra. Art and the Umayyad elite in Late Antique Syria. Berkeley, 2004.
5. *Gaube H.* Die syrischen Wüstenschlösser. Einige wirtschaftliche und politische Gesichtspunkte zu ihrer Entstehung // Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins 95. 1979. Pp. 182–209.
6. *Gayraud R. P.* Le Qar'afa al-Kubr'a, dernière demeure des Fatimides / in M. Barrucand (ed.). L'Égypte fatimide, son art et son histoire. Paris : Presses Universitaires de France, 1999. Pp. 64–443.

7. *Genequand D.* Les établissements des élites omeyyades en Palmyrène et au Proche-Orient. Beyrouth, 2012.
8. *Genequand D.* Rapport préliminaire de la campagne de fouille 2002 à Qasr al-Hayr al-Sharqi (Syrie). Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für Archäologische Forschungen im Ausland (SLSA/FSLA/SLFA). Jahresbericht, 2002. Pp. 69-96.
9. *Genequand D.* Umayyad castles: the shift from Late Antique military architecture to early Islamic palatial building / In H. Kennedy, ed. // Muslim military architecture in greater Syria. Leiden, 2006. Pp. 3-25.
10. *Grabar O.* City in the desert: Qasr al-Hayr / R. Holod, J. Knudstad, W. Trousdale // East. Cambridge, MA, 1978.
11. *Herzfeld E.* Mshattâ, H. îra und Bâdiya. Die Mittelländer des Islam und ihre Baukunst // Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen. 1921. No. 42. Pp. 46-104.
12. *Northedge A.* Archaeology and new urban settlement in early Islamic Syria and Iraq / In G. R. D. King and A. Cameron, eds. // The Byzantine and early Islamic Near East. II: land use and settlement patterns. Princeton, 1994. Pp. 65-231.
13. Rapport préliminaire de la campagne de fouille 2003 à Qasr al-Hayr al-Sharqi et al-Bakhra' (Syrie) // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für Archäologische Forschungen im Ausland (SLSA/FSLA/SLFA). Jahresbericht, 2003. Pp. 69-98.
14. *Sauvaget J.* Châteaux omeyyades de Syrie. Contribution à l'étude de la colonisation arabe aux Ier et IIe siècles de l'Hégire // Revue des Études Islamiques. 1967. No. 35. Pp. 1-52.